

Методологические основания исследования истории аргументативных практик

О. А. Шапиро¹

¹Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь

Аннотация: Статья посвящена проблеме построения истории аргументативных практик. Исследование динамики развития аргументации позволило бы разделить все многообразие аргументативного инструментария на априорные и культурно-исторически обусловленные способы обоснования; а следовательно — внесло бы свой вклад и в понимание когнитивной сферы человека, и в решение практических задач — в частности, прогнозирования развития аргументативных практик и поиска наиболее эффективных способов аргументации.

Однако осуществление этого масштабного проекта требует формулирования методологических оснований анализа аргументативных текстов, которые позволяли бы сопоставлять тексты разного типа и разных исторических периодов. Сегодня существует два подхода к исследованию истории аргументации: аналитический подход к истории философии и исторический подход к анализу аргументации М. А. Финокьяро. В статье предлагается взять последний в качестве основания для формулирования методологии исследования истории аргументативных практик. Этот подход представляет собой трехшаговый путь, где на первом шаге осуществляется выбор эмпирического текстового материала, на втором — погружение в контекст, а на третьем — формулирование финальных обобщений касательно аргументативного поведения автора исследуемого текста. Однако М. А. Финокьяро накладывает жесткие ограничения на выбор текста, связанные с возможностью осуществления третьего шага только при наличии достаточного тематического и аргументативного многообразия. Для снятия этого ограничения предлагается понимание аргументации как специфического гиперязыка; такое понимание не только упростит сопоставление разноплановых текстов, но и в сочетании с погружением в контекст позволит формулировать обобщения для узконаправленных текстов, исключаемых методом М. А. Финокьяро.

Ключевые слова: аргументация, история аргументативных практик, текст, гиперязык.

Введение

Исследования когнитивных процессов и природы человеческой рациональности сегодня переживают свой подъем: проводятся многочисленные конференции и круглые столы, выходят статьи и монографии в области философии, логики, психологии и др. гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, работают междисциплинарные исследовательские группы. Такой подъем интереса связан в том числе со все возрастающим объемом и темпом циркуляции информации в современном обществе: умение эффективно обрабатывать и сопоставлять ее становится условием не только эффективности на рынке труда, но и в некотором смысле «социального выживания». С другой стороны, именно в этой сфере кроется возможность ответить на вечный вопрос о том, в чем заключается сущность природы человека.

Не последнюю роль в этих исследованиях играет теория аргументации, в фокусе интереса которой — изучение многообразия способов и форм обоснования и убеждения, а также анализ их эффективности в конкретных контекстах. Особый интерес в этой области вызывает анализ исторических аргументативных текстов, который позволил бы проследить формирование современных схем и способов аргументации в их динамике, а также разделить все способы аргументации на априорные, связанные с самой природой когнитивной сферы, и исторически обусловленные. Такое понимание не только позволило бы приблизиться на еще один шаг к ответу на вопрос «что такое человек?», но и могло бы дать целый ряд практических и прикладных результатов; в частности, диахроническое исследование аргументативных практик с выявлением закономерностей и принципов динамики их трансформации значительно увеличило бы прогностический потенциал современной теории аргументации, что позволило бы формулировать максимально эффективные аргументативные стратегии для решения конкретных задач.

1 Исторические исследования аргументативных практик

Сегодня исследованиям в области истории аргументативных практик посвящаются лишь редкие разрозненные работы, при этом в основном авторы интересуются не столько исследованием истории аргументации, сколько анализом конкретного исторического текста, представляющего для них профессиональный интерес в контексте какого-либо иного, более масштабного исследования. В ведущих современных журналах по теории аргументации (журнал «Informal Logic», сборники статей под ред. Ф. ван Емерена и др.) среди многочисленных статей, посвященных формированию критического мышления и исследованию аргументативных ошибок, лишь случайными вкраплениями оказываются публикации, представляющие собой анализ аргументативных текстов прошлого; тематика монографий, издающихся сегодня по теории аргументации, демонстрирует ту же тенденцию. При беглом взгляде на содержание издающихся ныне сборников и монографий создается впечатление, что история аргументации пока еще находится за рамками внимания профессиональных логиков и

аргументологов. Ю. В. Иванова в контексте исследования аргументации в научных текстах указывает на то обстоятельство, что до сих пор по изучению аргументативных практик можно найти лишь отдельные работы, не собранные в единую историю аргументации, что следует считать «удивительным и почти необъяснимым». Она полагает, что «...создание истории аргументации принципиально важно для реконструкции форм самосознания европейской науки. <...> История научной аргументации должна быть дополнена историей аргументативных практик в литературе, богословии, в том числе и популярном, позднее — в публицистике: подобное расширение предметной области позволяет пролить свет на функционирование рациональной аргументации и аналитических процедур, составляющих формальную структуру научного знания, в других областях интеллектуальной культуры» (*Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время*, 2012, с. 7–8).

Если же анализировать немногие отдельные работы, посвященные интересующей нас проблематике, то можно условно разделить их на две группы: 1) публикации, в которых делаются попытки типологизации аргументативных текстов и 2) публикации, представляющие собой “case study”.

К первой группе мы можем отнести в качестве одного из наиболее ранних доклад С. Тулмина, сделанный в 1992 году в Амстердаме. Более подробно Тулмин излагает те же идеи в своей монографии «Return to reason», где его внимание сосредоточено на «способах мысли на протяжении длительного эпизода современности начиная с XVI века и до нынешнего дня» (Toulmin, 2003, р. 4). При этом с самого начала он отмечает «антиисторичные настроения», которые господствовали в его академическом окружении еще со времен студенчества, сформировавшиеся во многом под влиянием Л. Витгенштейна, претендуя на исследовательский интерес скорее «вопреки», нежели «благодаря» трендам научного сообщества.

Исследование Тулмина движется по траектории, противонаправленной нашему пути: он начинает с изменения исторических типов рациональности, анализ которых позволяет говорить о типологии аргументативных структур в текстах (преимущественно научных, т. к. другой текстовый материал Тулмина не интересует, а мы не можем сейчас с уверенностью говорить о возможности обобщения его выводов и построения на их основании общей типологии аргументативных текстов). Он разделяет способы обоснования в философском и научном тексте на две большие группы: «формальные доказательства» и «независимую аргументацию» (*ibid.*, р. 16). Тулмин полагает, что за этим разграничением кроется трансформация рациональности, когда начиная с 17 века требования к научным текстам включали необходимость подражания точным и естественным наукам независимо от сфер исследования: появляются требования непротиворечивости, в гуманитарных сферах возникают первые попытки формулирования аксиоматического базиса теории (по крайней мере его подобия), становятся популярными ссылки на очевидность. По-видимому, эти изменения связаны с изменениями текстовой культуры в связи с возникновением книгопечатания. При этом, если формальное доказательство существует вне пространства и времени, то независимая аргументация всегда исторически обусловлена;

Тулмин делает акцент на влиянии конкретной ситуации (заменяя термином «ситуативность» привычный термин «контекстуальность») на аргументацию. Таким образом, согласно идее Тулмина, формируется два фундаментальных способа отношения к миру: в первом случае в качестве приоритетной оказывается рациональность, чистая «логичность», и этот тип выражается в текстах, опирающихся на строгие доказательства или по крайней мере дедуктивную аргументацию; для второго типа характерна естественность, изначальность эмпирической реальности — и эта сфера аргументации по своей природе исторична и контекстуальна.

Среди отечественных исследователей к идеям Тулмина близка позиция А. И. Мигунова, который, анализируя различия между Аристотелевскими диалектикой и аналитикой, пишет, что «дело не просто в том, что в одном случае, в «диалектической логике» мы имеем дело с диалогической речью, а в другом, в аналитической логике — с монологом. Дело в том, что в одном случае мы имеем дело с живой речью, а в другом — с ее отсутствием» (Мигунов, 2002, с. 303). Это разделение, с точки зрения Мигунова, соответствует Тулминовскому разделению двух аспектов логики: формального анализа структуры рассуждения и неформального анализа аргументации, учитывающего прагматический контекст.

Российский исследователь С. С. Гусев более подробно анализирует динамику перехода способов обоснования в текстах от аргументации к доказательствам. Он проводит линию развития рациональности от «пралогического мышления» (ссылаясь на Л. Леви-Брюля) к собственно рациональному рассуждению: «Первой формой рациональной обработки и организации чувственных данных является умозаключение по аналогии <...>. Контекст аналогии сменяется контекстом метафоры, <...> метафора вытесняется силлогизмом» (Гусев, 2015, с. 47–48). Если сопоставить эту цепочку развития с идеей о переходе к аналитическому способу рассуждения, то момент перелома придется как раз на переход от метафоры к силлогизму.

Эти наблюдения могут быть проиллюстрированы анализом философских текстов. Так, нами было проведено сопоставление философских диалогов разных исторических периодов: диалоги Платона «Пир» и «Горгий», «Диалог между философом, иудеем и христианином» П. Абеляра, «На пиру богов. Pro u contra. Современные диалоги» С. Булгакова, «Три разговора о войне, прогрессе и всемирной истории» В. С. Соловьева и диалогические вставки из «Молчаливого дао» Р. Смаллиана¹. Был проанализирован набор аргументативных средств, используемых в каждом из диалогов; средства эти были разделены на группы: 1) определяемые жанровыми особенностями диалога; 2) определяемые смысловым содержанием диалога и 3) определяемые культурно-историческим контекстом написания. Действительно, у Платона (как, к слову, и у других античных авторов, пишущих в других жанрах) щедро используются рассуждения по аналогии, которые принимаются участниками диалога в качестве доказательств; в более поздних диалогах мы аналогий практически не находим. С. С. Гусев пи-

¹Более подробно с результатами этого исследования можно ознакомиться в статье, посвященной исследованию диалогов в философии (Шапиро, 2016)

шет об этом: «...вся история европейской философии во многом определяется переходом от платоновской традиции, активно использующей аналогию, к формам аристотелевской логики» (Гусев, 2015, с. 48). Однако переход к силлогизму, заявленный С. С. Гусевым как финальный этап развития аргументации, судя по эмпирическому материалу диалогов, оказался не столь общим правилом: в проанализированных текстах происходит не столько движение к дедуктивным способам обоснования, сколько смена аргументативных уловок. Так, у Абельяра мы встречаем характерные для Средних веков многочисленные ссылки на авторитет; у Соловьева и Булгакова, тексты которых относятся к одному историческому периоду, среди наиболее частых уловок встречается аргумент к массам, который трансформируется у Смаллиана в лингвистическое заигрывание с читателем вплоть до использования молодежного сленга. В результате мы можем предположить, что произошло специфическое «ветвление» способов аргументации в зависимости от жанра текста: если в научном тексте и философском трактате (монографии, статье) сегодня превалирует все-таки силлогизм и доказательство, то в более свободных жанрах — таких, как диалог — можно встретить и сохранение тулминовской «независимой аргументации».

Еще более подробно разворачивается изначально Тулминовская модель развития аргументации в работе Alan G. Gross, Joseph E. Harmon и Michael S. Reidy (Gross et al., 2002). Однако здесь мы встречаем уже второй тип исследования — case study — с помощью которого авторы прослеживают развитие аргументативных практик в научных текстах с XVII по XX вв., полагая все предыдущие попытки подобных исследований (а именно научную риторику) неудовлетворительными: представителей «первой волны» научной риторики авторы полагают склонными к поспешным обобщениям в силу их работы с не слишком разнообразным (или, наоборот, необоснованно разнообразным) материалом и неспособности выделить весь набор значимых для анализа аспектов текстов. Сами же Гросс, Хармон и Рейди предлагают три ключевых аспекта для анализа научных статей разных периодов: стилистику (куда входят синтаксические особенности и лексика), способ презентации (включающий заголовки, иллюстрации, таблицы и пр.) и собственно аргументацию (кроме аргументов, содержащихся непосредственно в анализируемом тексте, выясняется, какие аргументы оппонентов могли — и заставили — автора изменить его собственный способ обоснования). При этом в своем исследовании динамики развития аргументации они эмпирически подтверждают Тулминовский результат, а именно переход от убеждения (основанного на ссылках на очевидность данных органов чувств и даже на идее «джентельменского доверия») к доказательству, требующему точности и эмпирической подтверждаемости (*ibid.*, p. 10). Однако при всей плодотворности исследования, прослеживающего переход от публикации в журналах в целом неформальной переписки между учеными к современным жестким и стандартизированным требованиям редакций научных журналов, обратим внимание на то, что это исследование посвящено только одному виду текстов — научным статьям, т. е. его результаты могут говорить о развитии жанра научной статьи (на что и претендуют авторы), но не о развитии человеческой рациональности и способов обоснования в целом.

За последние несколько лет в России в русле аргументативных исследований типа “case study” вышло две коллективные монографии, представляющие собой фактически собрание аналитических исследований различных философских и политических текстов Средних веков и Нового времени. Первой стала коллективная монография «Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время» под редакцией Ю. В. Ивановой (*Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время*, 2012), и уже через 3 года вышла «Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени» под ред. П. В. Соколова (*Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени*, 2015). При этом в качестве цели первой монографии заявляется исследование истории практик обоснования и рациональности в целом в контексте развития научного знания, а цель второй работы — проследить способы нелегитимной (софистической) аргументации в текстах прошлого, при этом полагается, что как раз такие «нелегитимные аргументы» определяют «границы между наукой и псевдонаукой, теорией и риторикой, философией и софистикой», выявляя «нервные узлы интеллектуальных дискуссий на разных этапах истории науки» (там же, с. 7–8). Т. е. если в первой монографии исследуются принципы обоснования в научном знании Средних веков и Нового времени, то во второй — задается критерий демаркации научного знания и «псевдонауки»; тем не менее, обе монографии представляют собой сборники “case studies”, объединенных общей идеей.

2 Методологические основания исследования истории аргументации: два подхода

Написание истории аргументативных практик представляет собой масштабный проект, включающий в себя эмпирическое исследование разноплановых аргументативных текстов разных исторических периодов, их сопоставление, выделение в текстах априорных аргументативных структур, не зависящих от культурно-исторического контекста формулирования аргументации, и исторически и контекстуально обусловленных способов обоснования. Представленные в литературе и приведенные выше исторические исследования аргументации являются стихийными попытками решить эти задачи. Однако прежде, чем приступать к эмпирическим исследованиям и тем более построению типологий, необходимо выработать методологический подход, позволяющий сопоставлять аргументативные тексты разного типа. Эта необходимость становится очевидной при аналитической работе с конкретными аргументативными текстами. Далее мы проанализируем существующие методологические подходы к исследованию истории аргументативных практик, а также рассмотрим вариант доработки одного из них, с целью сделать этот подход максимально эффективным.

В современной литературе по теории аргументации мне удалось найти всего два случая формулирования методологических оснований для построения истории аргументативных практик: аналитический историко-философский под-

ход (начало которому положила работа Дж. Барнеса «Досократические философы» (Barnes, 1982)) и исторический подход М. А. Финокьяро (Finocchiaro, 1987). Оба они формировались в 80-х гг. XX века. Первый подход становится известным в России только в последние годы (в частности, благодаря статьям М. Н. Вольф, начинающей свое исследование с анализа способов аргументации отдельных авторов периода ранней Греческой философии и также приходящей к необходимости методологического оформления такого рода аргументативного исследования); у Финокьяро было переведено на русский язык две работы — его статья, опубликованная в «Вопросах философии» в 1988 г. (Финокьяро, 1988) и монография, посвященная Галилею, однако ссылки на него практически не встречаются в русскоязычной литературе.

Аналитический историко-философский подход нацелен исключительно на анализ философских текстов и рассматривает исследование философской аргументации как наиболее эффективный способ реконструкции их смысла. В своей работе Дж. Барнес преследует в первую очередь цель раскрытия смысла философских идей досократиков, а в анализе аргументации, содержащейся в текстах исследуемых авторов, видит только удобный инструмент. Он утверждает, что анализ аргументов, используемых ранними греческими мыслителями, позволит выявить специфику рациональности греческой мысли (Barnes, 1982). При этом Барнес полагает, что мы можем выносить исследуемые античные тексты за пределы их исторического контекста: философские тексты находятся вне пространственно-временных рамок, и поэтому упоминание исторических фактов или анекдотов может служить только для развлечения читателя, но никак не для более глубокого понимания смысла философских идей Античности.

Этот подход представляется его сторонникам некоей амбицией, основанной на «презумпции нашей способности выявлять аргументацию, содержащуюся в древнем тексте, а также на презумпции рациональности автора этого текста» (Вольф, 2015, с. 74). Представители аналитического подхода к истории философии утверждают, что «усмотрение философского содержания любого текста — это понимание и видение в нем аргументации» (там же, с. 69): «мы понимаем историю философии как историю конкретных проблем и содержания аргументов» (там же, с. 71). Это связано с тем, что, по мнению М. Н. Вольф, именно «аргументация служит преимущественным способом исследования в философском дискурсе <...>. Иными словами, в философии метод нередко совпадает с аргументом» (там же, с. 167). Т. е. фактически история философии рассматривается как история философской аргументации — именно такой подход авторы полагают адекватным воспроизведению смысла философских текстов в их исторической перспективе.

В качестве основы для сопоставления этих текстов предлагаются использовать формализацию. Здесь важно обратить внимание на то, что сам Барнес различает символизацию и формализацию: символизацию он понимает как замену выражений естественного языка на символы современной логики, а под формализацией — различение различных компонентов аргументации (т. е. тезиса, аргументов и формы) и выявление их внутренней логической структуры (Barnes, 1982, р. xiii). Таким образом, формализация, о которой говорят Барнес

и его последователи, не предполагает перевод аргументов в формулы (Барнес считает это занятие полезным, но в ряде случаев утомительным), но заключается в полноценном анализе аргументации в стиле современной неформальной логики. Такая методология позволяет не только реконструировать аргументацию внутри исследуемого текста, но и работать с так называемыми «интертекстуальными аргументами», которые понимаются как «единое рассуждение двух или более последующих философов, при условии, что у каждого из последующих философов будут <...> такие тезисы или высказывания, которые лишены смысла или кажутся надуманными, пародийными, необоснованными изнутри самого предлагаемого философом рассуждения без привлечения внешнего контекста» (Вольф, 2015, с. 168–169).

Однако обратим внимание, что реконструкция аргументации у Барнеса и его последователей не идет дальше ее методологической цели, а именно — прояснения историко-философских вопросов; нам же интересны обобщения касательно исторической специфики самой аргументации, на уровень которых аналитические историки философии не выходят.

Профессор университета Невады М. А. Финокьяро предлагает «исторический подход» для исследования аргументации, который он характеризует как «эмпирический, нормативный, теоретико-ориентированный и текстуально-аналитический» (Finocchiaro, 1987, p. 88). При этом Финокьяро уточняет, что в исследовании аргументации с его точки зрения возможны три типа эмпирических подходов — экспериментальный, к которому в частности относятся психологические исследования наиболее часто допускаемых аргументативных ошибок; аналитический, базирующийся на мысленном эксперименте, среди сторонников которого Финокьяро называет Я. Хинтикку и У. В. О. Куайна; и текстуально-исторический, автором которого он сам является и который Финокьяро вписывает в общую традицию современной неформальной логики (Finocchiaro, 1994). Т. е. эмпиричность его подхода заключается в непосредственной работе с единственно возможной для аргументации эмпирической реальностью — аргументативными текстами, исследуемыми в их исторической динамике.

Финокьяро предлагает пошаговое исследование аргументативных текстов, включающее: 1) выбор текста; 2) погружение в социокультурный контекст; 3) формулирование обобщений касательно специфики используемой в тексте аргументации. Однако уже на первом шаге исследователь предъявляет к текстам, подлежащим анализу, достаточно высокие требования, сводящиеся в целом к необходимости многообразия как используемых автором способов обоснования/убеждения, так и тематики рассматриваемых вопросов. Такое разнообразие необходимо ему для формулирования обобщений на третьем шаге исследования. Это ограничение при намерении создать полноценную историю аргументации оказывается принципиальным, т. к. выносит за границы исследования большой массив текстов. Так, из-за узости тематики отбрасываются как неподходящие «Метафизика» Аристотеля, «Размышления...» Декарта, «Критика чистого разума» Канта; сам Финокьяро в своем эмпирическом исследовании ограничивается узким кругом текстов Дж. С. Милля, Д. Юма и Галилея.

Ко второму шагу своего исследования Финокьяро делает несколько важных уточнений, фактически составляющих методологическое ядро его подхода. Он пишет, что все данные, используемые нами при анализе исторического текста, должны полностью состоять из реконструированных нами аргументов, при этом акцент в анализе должен быть сделан на логической структуре высказываний, в которых эти аргументы формулируются. В качестве наиболее удобного способа изображения структуры аргумента Финокьяро называет пронумерованные древовидные диаграммы (Finocchiaro, 1994).

Диаграммный метод сегодня очень популярен в теории аргументации. Например, его использует А. П. Алексеев в своей работе «Философский текст» при анализе платоновского «Пира» (Алексеев, 2006); этот же метод используют D. Walton и T. F. Gordon в своей статье «Формализуя неформальную логику» для наглядной демонстрации различных способов связи между аргументами в целостной структуре аргументации (Walton, Gordon, 2015); можно найти и множество других примеров. Однако эти авторы в исследовании аргументации предполагают отображение только собственно аргументов, оставляя «квазиаргументативные средства» за рамками своего анализа. Финокьяро же работает со всеми аргументативными структурами, включая уловки и ошибки аргументации — и это принципиально важно для реконструкции исторических типов аргументации. Так, если мы вспомним упомянутую выше идею С. С. Гусева о том, что первым типом аргументативного текста был текст, построенный на основе рассуждений по аналогии (т. е. фактически базовым способом обоснования/убеждения здесь является прием, называемый сегодня «ложная аналогия»), то станет ясно, что предлагаемые строгие карты Алексеева окажутся недостаточными для отображения структуры античных текстов. Сам Алексеев по этому поводу пишет, что такой анализ «обнаруживает свою ограниченность, позволяя поставить вопрос об обогащении исследовательского инструментария средствами, соотносимыми с собственно аргументацией и позволяющими рассматривать те или иные составляющие философского текста в качестве параргументационных... и квазиаргументационных» (Алексеев, 2006, с. 25). Финокьяро же снимает эту ограниченность, рассматривая весь спектр аргументативных структур, находящихся в тексте, и вводя их в общую схему.

Итак, до этого момента Финокьяровское «погружение в контекст» выглядит достаточно стандартной процедурой анализа аргументации в тексте. Однако последнее уточнение ко второму шагу исследования сдвигает фокус исследования с обычной аналитической работы на прагматический аспект аргументации: Финокьяро формулирует «оценочную цель» второго шага как реконструкцию «аргументов об аргументах». Именно эта реконструкция и проявляет специфику «погружения в контекст», выводя исследователя за рамки самого текста и вводя аналитика в широкую дискуссию, в которую этот текст включен.

Эта интуиция кажется мне ключевым и наиболее интересным моментом во всем подходе Финокьяро; именно она должна лечь в основу методологии исследования истории аргументативных практик. Обратим внимание, что она очень сходна с принципами анализа аргументации, предлагаемыми в монографии Гросса, Хармона и Рейди, и с идеей анализа «интертекстуального аргумен-

та» в аналитическом подходе к истории философии — однако, не смотря на то, что работы, в которых рассматриваются эти идеи, вышли заметно позже, чем Финокьяро заявил «погружение в контекст» как методологический принцип, никаких ссылок на его тексты (как, кстати, и у отечественных авторов, высказывающих сегодня близкие к концепции Финокьяро идеи) мы не находим.

Отвечая на вопросы «Почему автор текста использует именно этот аргумент?», «Почему автор предпочитает именно такие схемы аргументации и контраргументации?» мы выходим на прагматический уровень анализа широкой научной или философской дискуссии в целом. Более того, ответы на поставленные вопросы выводят нас на тот самый метауровень, необходимость которого постулирует Алексеев, говоря о необходимости создания специфического философского метаязыка, который «должен включать средства, позволяющие работать с самыми разными текстами, идентифицируя в них аргументационные и парааргументационные составляющие, понимая и оценивая идеи и способы воздействия на читателя» (Алексеев, 2006, с. 242); причем такой метаязык должен оказаться эффективным даже для «соотнесения столь разных направлений, как аналитическая философия и постструктурализм» (там же, с. 314). Этот же метауровень позволит решить и задачу, которую ставят перед собой представители аналитического подхода к истории философии — а именно задачу понимания смысла философского текста (и не только философского, если из предметного поля истории философии мы выйдем в широкий контекст истории человеческой рациональности, фиксируемой также в научных, научно-популярных и отчасти художественных текстах) посредством анализа содержащейся в нем аргументации. Да и сам Финокьяро в более поздних своих работах начинает использовать термин «метааргументация» (Finocchiaro, 2013).

Могут ли эти идеи быть развиты таким образом, чтобы снять ограничение Финокьяро на выбор текстов, совершаемый на первом шаге его исследования? Или — другими словами — можем ли мы развить их так, чтобы на их основании стало возможным создание полноценной истории аргументативных практик?

3 Аргументация как гиперязык

Я полагаю, что если мы позволим себе еще один шаг в сторону обобщения и абстрагирования при анализе аргументации, то перестанем зависеть от степени широты и тематики аргументативного инструментария в конкретном анализируемом тексте, рассматривая его как фрагмент более масштабной исторической аргументативной структуры. Такую возможность даст нам лингвистическая интуиция, которую можно рассматривать как продолжение интуиции метаязыка, и которая заключается в понимании аргументации как специфического гиперязыка.

В современной литературе развитием концепции гиперязыка занимаются преимущественно филологи и лингвисты. Однако разногласия в их исследованиях начинаются еще на стадии интерпретации самого термина. Если отбросить попытки рассматривать гиперязык как еще одно слово для обозначения метаязыка в стиле Ф. де Соссюра (их несостоятельность кажется очевидной), то

можно выделить два основных способа интерпретации термина «гиперязык»: 1) как «язык вообще», т. е. некий обобщенный язык, набор внекультурных и вненациональных закономерностей выражения мысли; и 2) в связке с другими (популярными сегодня) «гипер-», а именно гипертекстом и гиперссылкой в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации.

Оба эти подхода нуждаются в существенной доработке вызывают целый ряд вопросов. Один из представителей первого из них, Г. И. Тираспольский, определяет гиперязык как «язык, на котором не сказана ни одна речь, не написана ни одна книга и не спета ни одна песня. Вместе с тем трудно (точнее — невозможно) найти в мире другой такой язык, который по степени долговечности был бы сравним с гиперязыком» (Тираспольский, 2015, с. 13); представитель второго подхода М. Н. Эпштейн определяет гиперязык как «расширение существующего языка, раздвижение его гипотетического объема, подобно тому, как воздушный задник живописной панорамы составляет одно целое с предметами на переднем плане» (Эпштейн, 2010, с. 108). Такого рода отрицательные и метафорические определения в целом характерны для филологических текстов, но для нас кажутся совершенно неприемлемыми.

Мы будем определять гиперязык как знаковую систему, базовыми элементами которой являются макроструктуры естественного или любого метаязыка. Такое определение может «вобрать в себя» оба филологических подхода: для первого мы будем говорить о естественном гиперязыке как наборе целостных грамматических структур (предложений), а во втором мы будем говорить о специфическом языке виртуальной коммуникации, где языковые макроструктуры будут представлены текстом, находящимся под гиперссылками и расшифровкой образований «новояза».

Для аргументативного гиперязыка (как и для любой знаковой системы) мы можем задать соответствующие синтаксис, семантику и прагматику. Алфавит аргументативного гиперязыка будет представлен тремя группами макроструктур:

1. Тезис.
2. Аргументы.
3. Квазиаргументативные средства.

Все эти элементы формулируются на естественном языке. Мы также можем задать и правила построения аргументативных структур:

- 1) аргументы должны находиться с тезисом по крайней мере в отношениях подтверждения (а в более сильном варианте аргументации должно иметь место отношение логического следования);
- 2) аргументы и квазиаргументативные средства должны быть уместными в конкретной коммуникативной ситуации и приемлемыми для всех участников аргументативного процесса.

Выявить аргументативные структуры в тексте и определить степень соответствия их связи правилам построения мы можем, следуя рекомендациям ко второму шагу метода исследования Финнокьяро: реконструируя аргументацию, содержащуюся в тексте, как систему высказываний, выделяя логическую структуру этих высказываний и связи между ними и изображая эти связи наглядно в виде диаграмм.

Семантика аргументативного гиперязыка задается упорядоченной парой $\langle X, Y \rangle$, репрезентирующей **смысл** аргументативного процесса, где X — содержательная характеристика, выражающая значение тезиса, обосновываемого/опровергаемого в аргументации, а Y — модальная характеристика, а именно приписываемая автором аргументативного текста тезису степень достоверности (вероятности). Тогда смыслом аргументативного текста будет обоснование/убеждение читателя в том, что тезис X имеет статус Y . Таким образом, семантический уровень исследования аргументативного гиперязыка имеет явный прагматический оттенок.

Прагматическое исследование гиперязыка аргументации предполагает исследование включенности аргументативных текстов в широкий культурно-исторический контекст (т. е. фактически мы говорим о финнокьяровском «погружении в контекст», несколько расширяя эту идею). Одним из важных параметров такой включенности является популярность выбранного способа аргументации в тот или иной исторический период, требующая анализа его «прагматического эффекта», выраженного в наличии и содержании текстов-ответов на исходный текст — комментариев, цитирований, прямых опровержений, пародий и пр. Так, если обратиться к тексту платоновского «Пира», то мы можем говорить об огромном массиве связанных с ним текстов, включающих и образовавшуюся традицию написания «пиров», и пародию Лукиана, и многочисленные комментарии и ссылки, начиная от античности и до наших дней. Мы будем представлять это контекстуальное поле в виде концентрических кругов, центром которых является сам исследуемый аргументативный текст, самым меньшим кругом — непосредственные ответы на него (рецензии, опровержения), вторым — «ответы на ответы» (как, например, «Пролегомены» Канта были во многом ответом его рецензенту на «Критику чистого разума»), третьим — подражания и пародии, четвертым и далее — критическая и герменевтическая литература (при этом в четвертый круг будут входить тексты-современники, в пятый — тексты авторов поколения, следующего за автором оригинального текста и т. д.). То, насколько интенсивно будут заполнены эти круги разнообразными текстами, и то, какими именно с точки зрения их аргументативной специфики будут эти тексты, окажется ключом к пониманию прагматического потенциала исходного источника — эффективности его аргументативных стратегий (причем эта эффективность может быть разной для разных поколений реципиентов текста), типичность этих стратегий для данного исторического периода, их (не)универсальность для смены исторических периодов и пр.

Таким образом, эмпирическое исследование использования аргументативного гиперязыка на примере конкретного текста, включенного в широкий контекст, может принести нам целый ряд результатов: выявление вневременных,

субстанциальных особенностей этого языка (повторяющихся из текста в текст независимо от исторического периода), которые репрезентируют априорные аргументативные структуры; определение типичных для конкретного исторического периода аргументативных средств (или, возможно, нескольких групп таких средств); анализ динамики развития аргументации в различные исторические периоды; выяснение возможной амплитуды специфических авторских «отклонений» от общепринятых для конкретной культуры способов аргументации. Кроме того, работа не с «текстом самим по себе», а с большим массивом текстов-ответов, иерархически расположенных в контекстуальном поле исследуемого текста, приведет к расширению как аргументативных средств, попадающих в поле зрения исследователя, так и тематики затрагиваемых в текстах вопросов. Таким образом, обращение к контекстуальному полю автоматически снимает ограничения Финокьяро, накладываемые на выбор текста, и позволяет работать с любым текстом, в принципе содержащим аргументацию.

Заключение

Предложенный подход к пониманию аргументации как гиперязыка нуждается в названии. Наиболее подходящим вариантом мне кажется «прагма-аналитический» подход к исследованию аргументации. Многочисленные смысловые коннотации, которые влечет за собой это название, не случайны и релевантны его сути. Название «прагма-аналитический» позволит подчеркнуть как приверженность аналитической традиции в философии, так и прагматические акценты, расставляемые при исследовании аргументативных текстов. Дополнительного комментария заслуживает очевидная ассоциация в названии с голландской школой прагма-диалектики.

Моделируя свою критическую дискуссию, классики прагма-диалектики Ф. ван Еемерен и П. Хоотлоссер прямо формулируют необходимость адаптации к ожиданиям аудитории выбираемого на каждом шаге дискуссии «топического потенциала» и способов его презентации, а принимаемая ими презумпция разумности предполагает необходимость согласия с оппонентом в случае обоснования/критики им тезиса (Еемерен, Хоотлоссер, 2006). Эти положения близки нашему видению аргументации. При этом ограниченность прагма-диалектического подхода мы видим в его направленности на идеализированный дискурс критической дискуссии, в реальной практике аргументации реализуемый крайне редко. Кроме того, прагма-диалектический подход теряет свою эвристическую ценность в исследовании аргументативных монологов: он может быть применим только в живому спору с непосредственным присутствием обоих оппонентов. Однако не случайно в аристотелевском «Органоне» «Аналитики» предваряют «Топику». И я позволю себе не согласиться с упомянутой выше точкой зрения А. И. Мигунова, связывающего «аналитическую логику» с отсутствием «живой речи» (Мигунов, 2002, с. 330): конечно, с такой позиции предлагаемое нами исследование контекста, в котором пишется сам текст, множества его интерпретаций и пр. необходимо отнести к диалектике. Однако и в повседневной жизни монолог тоже с необходимостью включен в контекст,

и так мы можем прийти до идеи, что монолога как такового не существует вовсе. Поэтому мне хотелось бы отстоять термин «аналитика» — отсылающий к структурному анализу рассуждений, на которых основывается используемая в тексте аргументация, связывающая нас с традицией аналитической философии и задающая общее настроение аналитической работы над текстовым массивом.

Таким образом, предложенный прагма-аналитический подход к исследованию аргументативных текстов, включенных в широкий культурно-исторический контекст, может стать той точкой соотнесения текстов разного типа, который позволит выстроить стройную картину исторического развития аргументации — а следовательно и пролить свет на природу и динамику развития человеческой рациональности.

Список литературы

- Абеляр П.* Диалог между философом, иудеем и христианином // Теологические трактаты. — М. : Прогресс, 1995. — С. 311–412.
- Алексеев А. П.* Философский текст: идеи, аргументация, образы. — М. : Прогресс-Традиция, 2006.
- Булгаков С. А.* На пиру богов. Pro u contra. Современные диалоги // Из глубины. Сб. статей о русской революции. — М. : Изд-во Московского ун-та, 1990. — С. 90–144.
- Вольф М.* Полярность как метод у досократиков: элейские техники // Вестник НГУ. Серия: философия. — 2015. — Т. 13, № 4. — С. 167–177.
- Вольф М., Бутаков П., Берестов И.* Аналитическая история античной философии // *Sententiae*. — 2013. — Т. XXVIII, № 1. — С. 68–80.
- Гусев С. С.* Рациональность: истоки и эволюция // Философские науки. — 2015. — № 5. — С. 42–50.
- Есмерен Ф. в., Хоотлоссер П.* Аргументация и разумность. О поддержании искусного баланса в стратегическом маневрировании // Мысль: Аргументация: Сб. статей / под ред. А. И. Мигунова, Е. Н. Лисанюк. — СПб : Издательство С.-Петербур. ун-та, 2006. — С. 7–22.
- Мигунов А. И.* Аналитика и диалектика: два аспекта логики // Серия «Мыслители», Я. (А. Слинин) и МЫ : К 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. — СПб, 2002. — Вып. 10. — С. 326–340.
- Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / под ред. П. В. Соколова. — М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015.
- Платон.* Пир // Избранные диалоги. — М. : Художественная литература, 1965. — С. 118–184.
- Платон.* Горгий // Собрание сочинений в 4т. Т. 1 / под ред. А. Ф. Лосева. — М. : Мысль, 1990. — С. 477–574.
- Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время / под ред. Ю. В. Ивановой. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Смаллиан Р.* Молчаливое Дао. — М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012.

- Соловьев В. С.* Три разговора о войне, прогрессе и всемирной истории // Избранное. — М. : Сов. Россия, 1990. — С. 231–423.
- Тираспольский Г. И.* Язык и лингвистика. — Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015.
- Финоччяро М. А.* Эмпиризм, суждение и аргумент: к вопросу о неформальной логике науки // Вопросы философии. — 1988. — № 12. — С. 140–152.
- Шапиро О. А.* Диалоги: жанр vs формат текстовой культуры // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. — 2016. — Т. 2, вып. 68, № 4. — С. 21–30.
- Эшттейн М. Н.* О проективном подходе к языку. Неология времени // Философские науки. — 2010. — № 12. — С. 94–111.
- Barnes J.* The presocratic philosophers. The arguments of the philosophers. — London, New York : Routledge, 1982.
- Finocchiaro M.* A historical approach in the study of argumentation // Argumentation: Across the Lines of Discipline / ed. by F. H. N. van Eemeren, R. Grootendorst, A. Blair, C. A. A. Willard. — Dordrecht, Provedance : Foris Publications, 1987. — P. 81–91.
- Finocchiaro M.* Two Empirical Approaches to the Study or Reasoning // Informal Logic. — 1994. — Vol. 16, no. 1. — P. 1–21.
- Finocchiaro M.* Meta-Argumentation: An Approach to Logic and Argumentation Theory. — London : College Publications, 2013.
- Gross A., Harmon J., Reidy M.* Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present. — New York : Oxford University Press, 2002.
- Toulmin S.* Return to reason. — Harvard University Press, 2003.
- Walton D., Gordon T.* Formalizing Informal Logic // Informal Logic. — 2015. — Vol. 35, no. 4. — P. 508–538.

Об авторе

Ольга Александровна Шапиро — кандидат философских наук, доцент кафедры философии социально-гуманитарного профиля Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, shapiro.olha@gmail.com.

Methodological grounds for studying the history of argumentative practices

Olga A. Shapiroⁱ

ⁱV. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol

Abstract: The article is dedicated to issue of argumentative practice construction history. The research of argumentation development dynamics could enable classification of various argumentative tools by aprioristic and culturally and historically conditioned grounding modes; therefore, it could help understand human cognitive sphere and solve practical problems, particularly, developing argumentative practices forecasts and finding the most effective argumentation modes.

However, the project implementation requires formulization of argumentative text analysis methodological basis, which could allow comparing texts of different kinds and different historical periods. There are two approaches to the argumentation history research: analytical approach to the history of philosophy and historical approach to the argumentation research by M.A. Finocchiaro. The article offers taking the second as a basic approach to formulization of argumentative text analysis methodology. The approach represents a three-step investigation: 1st step is a choice of empirical textual material, 2nd step is immersion in the context and 3rd is formulating final generalizations on the argumentative behavior used by the author of the researched text. But M. A. Finocchiaro inflicts rigid text choice restriction connected with ability to implement 3rd step only if there is sufficient thematic and argumentative variety in the text. To remove this restriction, we propose understanding argumentation as a specific hyperlanguage. This will simplify comparison of different texts and along with immersion in the context will allow formulating generalizations for narrow-focused texts excluded by Finocchiaro's method.

Keywords: argumentation, argumentative practices history, text, hyperlanguage.

References

- Abelyar, P. (1995). “Dialog mezhdu filosofom, iudeem i khristianinom [Dialogue between a Philosopher, a Jew and a Christian]”. In: *Teologicheskie traktaty*. M.: Progress, pp. 311–412.
- Alekssev, A. P. (2006). *Filosofskii tekst: idei, argumentatsiya, obrazy [Philosophical text: ideas, reasoning, images]*. M.: Progress-Traditsiya.
- Barnes, J. (1982). *The presocratic philosophers. The arguments of the philosophers*. London and New York: Routledge.
- Bulgakov, S. A. (1990). “Na piru bogov. Pro y contra. Sovremennye dialogi [At the banquet of gods. Pro y contra. Modern dialogues]”. In: *Iz glubiny. Sb. statei o russkoi revolyutsii*. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, pp. 90–144.
- Emeren, F. van and Khootlosser, P. (2006). “Argumentatsiya i razumnost’. O podderzhanii iskusnogo balansa v strategicheskom manevrirovanii [Argumentation and reasonableness. On maintaining a skilful balance in strategic maneuvering]”. In: *Mysl’: Argumentatsiya: Sb. statei*. Ed. by A. I. Migunova and E. N. Lisanyuk. SPb: Izdatel’stvo S.-Peterb. un-ta, pp. 7–22.
- Epshtein, M. N. (2010). “O proektivnom podkhode k yazyku. Neologiya vremeni [On the Projective Approach to language. The Neology of Time]”. *Filosofskie nauki*, no. 12, pp. 94–111.
- Finocchiaro, Maurice A. (1987). “A historical approach in the study of argumentation”. In: *Argumentation: Across the Lines of Discipline*. Ed. by Frans H. van Eemeren, Rob Grootendorst, Anthony Blair, and Charles A. Willard. Dordrecht, Provedance: Foris Publications, pp. 81–91.
- (1994). “Two Empirical Approaches to the Study or Reasoning”. *Informal Logic*, vol. 16, no. 1, pp. 1–21.
- (2013). *Meta-Argumentation: An Approach to Logic and Argumentation Theory*. London: College Publications.
- Finok’yarov, M. A. (1988). “Empirizm, suzhdenie i argument: k voprosu o neformal’noi logike nauki [Empiricism, judgment, and argument: Toward an informal logic of science]”. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 140–152.
- Gross, Allan G., Harmon, Joseph E., and Reidy, Michael S. (2002). *Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present*. New York: Oxford University Press.
- Gusev, S. S. (2015). “Ratsional’nost’: istoki i evolyutsiya [Rationality: The Origins and Evolutions]”. *Filosofskie nauki*, no. 5, pp. 42–50.
- Migunov, A. I. (2002). “Analitika i dialektika: dva aspekta logiki [Analitics and Dielectics: to aspects of Logic]”. *Seriya «Mysliteli», Ya. (A. Slinin) i MY [Series “Thinkers”. I (Slinin) ade WE]. K 70-letiyu professora Yaroslava Anatol’evicha Slinina* (10), pp. 326–340.
- Plato (1965). “Pir [The Symposium]”. In: Platon. *Izbrannye dialogi [Selected dialogues]*. M.: Khudozhestvennaya literatura, pp. 118–184.
- (1990). “Gorgii [Gorgias]”. In: Platon. *Sobranie sochinenii v 4t. [Collectesd works in 4 vol.]* Ed. by A. F. Loseva. Vol. 1. M.: Mysl’, pp. 477–574.

- Shapiro, O. A. (2016). “Dialogi: zhanr vs format tekstovoi kul’tury [Dialogue: Genre vs Format of Text Culture]”. *Uchenye zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo Filosofiya. Politologiya. Kul’turologiya [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology]*, vol. 2, no. 4 (68), pp. 21–30.
- Smallian, R. (2012). *Molchalivoe Dao [The Tao is Silent]*. M.: «Kanon+», ROOI «Reabilitatsiya».
- Sokolova, P. V., ed. (2015). *Mnogolikaya sofistika: nelegitimnaya argumentatsiya v intellektual’noi kul’ture Evropy Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni [Many-sided sophistry: illegitimate argument in the intellectual culture of Europe in the Middle Ages and early modern times]*. M.: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Solov’ev, V. S. (1990). “Tri razgovora o voine, progresse i vseмирnoi istorii [Three talks about war, progress and world history]”. In: *Izbrannoe [Selected]*. M.: Sov. Rossiya, pp. 231–423.
- Tiraspol’skii, G. I. (2015). *Yazyk i lingvistika [Language and Linguistics]*. Syktyvkar: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina.
- Toulmin, S. (2003). *Return to reason*. Harvard University Press.
- Vol’f, M. (2015). “Polyarnost’ kak metod u dosokratikov: eleiskie tekhniki [Method of Polarity in Pre-Socratics: Eleatic Techniques]”. *Vestnik NGU. Seriya: filosofiya*, vol. 13, no. 4, pp. 167–177.
- Vol’f, M., Butakov, P., and Berestov, I. (2013). “Analiticheskaya istoriya antichnoi filosofii [Analytical history of Ancient Philosophy]”. *Sentenyiae*, vol. KhKhVIII, no. 1, pp. 68–80.
- Walton, D. and Gordon, T.F. (2015). “Formalizing Informal Logic”. *Informal Logic*, vol. 35, no. 4, pp. 508–538.
- Yu. V. Ivanovoi, ed. (2012). *Polemicheskaya kul’tura i struktura nauchnogo teksta v Srednie veka i rannee Novoe vremya [Polemic culture and the structure of the scientific text in the Middle Ages and early New time]*. M.: Izdatel’skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.

About author

Dr. *Olga A. Shapiro*, Docent of the Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, shapiro.olha@gmail.com.